

В столовой остались только Гу Бай и его собака Мокка, которая любила ластиться к нему, выпрашивая еду, пока он обедал.

Дядя Ли вышел из кухни с тарелкой овощей:

— Господин Гу, Мокка уже поела? Молодой хозяин велел приготовить ей сырое мясо с костями и овощи.

Кормление Мокки происходило по строгому графику — два раза в день, и утренняя порция уже была съедена.

Гу Бай взглянул на собаку, крутившуюся у его ног:

— С мясом подождём до вечера, а овощи можно дать немного.

Затем он наклонился к Мокке:

— Сходи наверх и принеси свою миску.

Дядя Ли поспешно вмешался:

— Не нужно подниматься, молодой хозяин только что велел купить новый набор посуды для питомца, а также лакомства и другие принадлежности. Что касается корма, он не знает, какой марки ест Мокка, так что, если что-то нужно, скажите мне, и я закажу.

Следуя указанию дяди Ли, Гу Бай заметил в углу гостиной полный набор собачьих принадлежностей, включая любимые игрушки Мокки и даже коврик для туалета, хотя собака привыкла справлять нужду в ванной.

Когда он приехал, в гостиной ничего этого не было. Очевидно, Чу Цзэшэнь в спешке распорядился подготовить всё необходимое, чтобы достойно встретить нового хозяина в доме семьи Чу.

Это был своего рода знак принятия, цель которого — обеспечить Гу Баю комфортную жизнь в доме в течение года.

Дядя Ли продолжил:

— Молодой хозяин очень полюбил Мокку. Только что я видел, как он присел, чтобы вытереть ей лапы после прогулки. Мокка была немного возбуждена и всё время толкала его, но, несмотря на то что он никогда раньше не держал питомцев, они ладили с первого взгляда.

Гу Бай вспомнил слегка помятый воротник Чу Цзэшэня — вероятно, результат того, как Мокка ластилась к нему.

— Проказница, — сказал он собаке.

Мокка, однако, была слишком занята, глядя на еду в руках дяди Ли, чтобы обратить на него внимание.

Нарушать режим питания Мокки было нельзя, так что овощи могли быть только наградой.

Гу Бай снова отдал команду:

— Мокка, принеси салфетки со стола.

Собака, ещё не привыкшая к дому семьи Чу, медленно направилась в гостиную, забралась на стол и взяла в зубы коробку салфеток.

Гу Бай принял салфетки и сказал дяде Ли:

— Дядя Ли, положите овощи в её миску.

Похоже, дядя Ли впервые видел такую послушную собаку, и его глаза светились от умиления:

— Ну, Мокка, давай поедим овощей.

Мокка последовала за ним, но, увидев новую миску, на мгновение замешкалась, пока в неё не положили брокколи и морковь.

У Мокки была одна хорошая черта — она никогда не привередничала в еде.

Дядя Ли, заметив, что собака не ест, с недоумением повернулся к Гу Баю:

— Господин Гу, почему Мокка не ест?

Гу Бай взглянул на собаку, которая, облизываясь, смотрела на дядю Ли. Обычно награду давали прямо, а в миске была еда, для которой требовалась команда.

— Дядя Ли, дайте команду, сосчитайте до трёх.

Впервые в жизни дядя Ли отдавал команду питомцу:

— Раз, два, три, ешь.

Только после этого Мокка начала есть.

Взгляд дяди Ли стал ещё теплее.

Чу Цзэшэнь из-за срочного совещания уехал из дома, не пообедав, и вернулся только в одиннадцать вечера.

В машине водитель, заметив, что его хозяин сидит с закрытыми глазами, включил музыку. В такие поздние часы Чу Цзэшэнь обычно был измотан, и мягкая музыка, которую он любил, помогала ему расслабиться.

Головная боль, вызванная напряжением дня, начала ослабевать, хотя пульсация в висках всё ещё беспокоила.

Это была старая проблема, и Чу Цзэшэнь не придавал ей значения, просто закрывая глаза до самого дома.

Когда музыка стихла, он открыл глаза, и в полумраке машины его взгляд казался особенно глубоким.

— Мы приехали, — сказал водитель, открывая дверь.

Чу Цзэшэнь взглянул на темный дом, где не было ни единого огонька, и привычно направился к двери.

Начало осени принесло с собой прохладу, которая незаметно проникала под воротник, вызывая легкий озноб.

Он прошёл по дорожке переднего двора и, как всегда, открыл дверь, где дядя Ли оставил ему свет.

Войдя, он был встречен ярким светом, словно в доме кто-то был.

Гу Бай, сидевший на диване и игравший в видеоигру, заметил движение у двери и мельком взглянул.

— Ты вернулся.

Чу Цзэшэнь на мгновение замер, затем собрался с мыслями.

— Да, вернулся.

Пока он переобувался в прихожей, из-за угла выглянула мохнатая голова. Мокка смотрела с лёгкой настороженностью, но, почуяв знакомый запах, быстро подошла к его ногам.

Чу Цзэшэнь не удержался и погладил её по голове, а когда вошёл в гостиную, Мокка последовала за ним.

Гу Бай, не отрываясь от игры, как робот, без эмоций повторил слова дяди Ли, даже не взглянув на Чу Цзэшэня:

— Дядя Ли оставил суп на кухне, чтобы ты поел.

Чу Цзэшэнь остановился и посмотрел на человека на диване. Тот был в серой пижаме, словно только что вышел из душа. Его влажные волосы были небрежно откинuty назад, а губы плотно сжаты. В свете лампы было видно, насколько сосредоточенным был его взгляд.

Не дождавшись ответа, Гу Бай мельком взглянул на Чу Цзэшэня и нажал паузу, решив, что звук игры заглушил его слова.

— Дядя Ли разогрел суп, чтобы ты поел.

Они несколько секунд смотрели друг на друга, прежде чем Чу Цзэшэнь наконец двинулся:

— Хорошо, понял.

Гу Бай, увидев, что он направился на кухню, снова включил игру.

Чу Цзэшэнь взял миску с супом и сел на диван.

Диван в доме семьи Чу, как и говорил Гу Бай, был огромным, и теперь они сидели на расстоянии полустола друг от друга.

Чу Цзэшэнь не мешал, просто наблюдал, пока Гу Бай проходил важный этап игры, не обращая внимания на его присутствие.

Через несколько минут Гу Бай завершил этот уровень, сохранил игру и потянулся, но, заметив кого-то в гостиной, остановился.

— Сегодня было много работы?

Чу Цзэшэнь улыбнулся:

— Как обычно, не слишком.

Гу Бай в прошлой жизни был таким же — для него не существовало понятия «много работы», только усталость или её отсутствие.

Чу Цзэшэнь спросил:

— Ты привыкаешь к жизни здесь?

Этот вопрос звучал так, будто его задавал арендодатель.

Гу Бай кивнул:

— Да, довольно комфортно, только днём солнце слишком яркое, а шторы слишком плотные. Когда их закрываешь, становится совсем темно. Для фильмов это подходит, а для игр — не очень.

Он, как настоящий арендатор, указывал на недостатки дома.

Если бы это были обычные арендодатель и арендатор, проблема со шторами была бы не заботой хозяина, а прихотью жильца. Но в случае Чу Цзэшэня и Гу Бая это было нормально, ведь они были официально зарегистрированными супругами.

— Завтра я скажу дяде Ли заменить шторы, — сказал Чу Цзэшэнь.

Он редко бывал в гостиной и даже не знал, насколько плотными были шторы. Его жизненное пространство ограничивалось спальней и кабинетом.

Гу Бай взглянул на шторы, которые гармонировали с интерьером гостиной, и сказал:

— Не нужно менять всё, просто добавьте слой более прозрачной ткани.

Чу Цзэшэнь снова кивнул.

Гу Бай взял со стола стакан воды, выпил и поднялся:

— Уже поздно, давай ляжем спать.

Чу Цзэшэнь посмотрел на его спину и ответил:

— Спокойной ночи.

Гу Бай, не оборачиваясь, зевнул:

— Спокойной ночи.

Он поднялся наверх, и огромная гостиная осталась в распоряжении Чу Цзэшэня и спящей на коврик Мокки.

Всего за один вечер дом наполнился жизнью.

Игровой контроллер на столе, несколько игрушек, разбросанных по полу, и мирно спящая Мокка — всё это, хоть и немного, но сделало дом семьи Чу уютнее.

В глазах Чу Цзэшэня промелькнула улыбка. Он посидел в гостиной ещё некоторое время, прежде чем подняться, отнести миску на кухню и, выключая свет, случайно наступить на игрушку, издавшую звук.

<http://bllate.org/book/15495/1374348>